

На правах рукописи

БЕЛУРУССОВА СВЕТЛАНА ЮРЬЕВНА

ДИНАМИКА ЭТНИЧНОСТИ НАГАЙБАКОВ В XVIII–XXI вв.

Специальность 07.00.07 — Этнография, этнология, антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2017

Диссертация выполнена в секторе этноистории Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Научный руководитель:

Головнёв Андрей Владимирович, член-корреспондент РАН, д-р ист. наук, профессор, директор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (г. Санкт-Петербург)

Официальные оппоненты:

Функ Дмитрий Анатольевич, д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой этнологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (г. Москва)

Атнагулов Ирек Равильевич, канд. ист. наук, доцент, зав. лабораторией археологии и этнографии, историко-культурного туризма, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова» (г. Магнитогорск)

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук (г. Уфа)

Защита диссертации состоится 16 октября 2017 г. в 12:00 часов на заседании диссертационного совета Д.002.123.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата исторических наук при Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук по адресу: 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 3.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук и на сайте www.kunstkamera.ru

Автореферат разослан « ___ » сентября 2017 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета,

канд. ист. наук М. Е. Резван

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Нагайбаки — южноуральский народ, сложившийся менее 300 лет назад на перекрестке пограничных линий и торговых путей, кочевых и оседлых культур, христианства и ислама. Их относительно недолгая этническая история турбулентна, динамична и драматична. В 1993 г. нагайбаки были включены в перечень коренных малочисленных народов РФ, и до сих пор их этничность находится в состоянии движения и преобразования.

Актуальность проблемы

В данной работе этничность рассматривается не как дань уходящей традиции, а как живой механизм социальности, в котором реализуется общность взаимопонимания, коммуникации и безопасности. Исследование этничности дает понимание не только определенных черт и особенностей конкретного народа, но и ее актуальности в современном мире, векторов развития культуры и идентичности малых сообществ.

Группа нагайбаков испытала разного рода политическое и административное влияние имперского, федерального, регионального, локального масштабов. Они оказались объектом внимания и конкуренции мусульманских и православных миссионеров, кряшенских и татарских просветителей, этнологов и краеведов. Подобный опыт народа актуален с точки зрения изучения воздействия власти и элиты на формирование этнического сообщества.

Объект данной работы — коренной малочисленный южноуральский народ нагайбаки в их трехвековой этнической истории и современности, в контексте государственной политики и взаимоотношений с соседями. **Предметом** исследования является этничность в ее устойчивости и изменчивости, исторической и ситуативной динамике, социальности и персональности на примере трех групп нагайбаков.

Цель диссертации — характеристика динамики этничности южноуральских нагайбаков в исторической ретроспективе и современных обстоятельствах, в единстве и многообразии ситуативных проявлений, в соотношении традиций и новаций. В соответствии с целью в работе определяются следующие **задачи**:

- 1) Анализ узловых этноисторических сюжетов, которые повлияли на складывание того или иного вектора развития этнической идентичности;
- 2) Сопоставительное изучение граней «треугольника» этничности (православие, казачество и язык) на примере трех групп нагайбаков (северной, центральной и южной);

3) Мониторинг функций родства в прошлом и настоящем, в том числе выявление «кругов» родства, анализ роли предков, обрядов и ритуалов в традиционной культуре, изучение феномена «нового родства»;

4) Исследование особенностей соперничества и конкуренции среди нагайбаков как стимула и мотивации в отношении самоопределения и этничности;

5) Изучение соотношения традиции и новации в культуре нагайбаков в истории и современности;

6) Определение персональной роли этнического лидера А. М. Маметьева в этностроительстве нагайбаков в 1980–1990-е гг.;

7) Анализ современных проявлений этничности в виде этнопроектов и иных персональных инициатив.

Хронологические рамки охватывают период с 1730-х гг. до наших дней. В самом общем виде в этноистории нагайбаков прослеживается четыре периода: 1) 1730–1840-е гг. — «зарождение общности»: строительство Нагайбакской крепости, заселение ее людьми разной этнической принадлежности; образование к концу периода однородной по религии, языку и сословию группы. 2) 1840–1930-е гг. — «становление народа»: переселение на Новую линию, появление собственного самосознания, восприятие и применение этнонима «нагайбак». 3) 1930–1980-е гг. — «латентная этничность»: подавленное состояние всех этнических характеристик нагайбаков в контексте кампаний расказачивания, атеизма, включения в число татар. 4) 1985 г. — современность — «возрождение этничности»: этнокультурные инициативы Алексея Маметьева, приобретение нагайбаками статуса коренного малочисленного народа РФ, реализация этнопроектов в отношении собственной этничности.

Географические (территориальные) рамки определяются пространством расселения нагайбаков на Южном Урале, в том числе:

1) Исходный ареал формирования нагайбаков с 1736 г. на территории Нагайбакской крепости (с 1747 г. — Нагайбакская и Бакалинская станицы Уфимского уезда Оренбургской губернии).

После переселения 1842–1843 гг. они обосновались в трех районах Оренбургской губернии:

2) Центральная группа: поселки Кассель, Остроленский, Фершампенуаз, Париж, Требия, Астафьевский (с 1879 г.) Верхнеуральского уезда;

3) Северная группа: станица Верхнеуевельская (Варламово), поселки Ключевский-2 (Лягушино), Попово, Болотово и Краснокаменка Троицкого уезда;

4) Южная группа: поселки Нежинский, Гирьял и Алабайтал Оренбургского уезда, поселок Подгорный и станица Ильинская Орского уезда.

Сегодня это территории Бакалинского района республики Башкортостан, Нагайбакского, Уйского и Чебаркульского районов Челябинской области, Беляевского, Кувандыкского и Оренбургского районов Оренбургской области.

Методология исследования

Этничность нагайбаков рассматривается преимущественно с точки зрения *конструктивистского подхода*, который хорош не умалением значения этничности (напротив, он актуализирует ее до уровня персональной мотивации и жизненно важной практики), а вниманием к конкретным опытам и технологиям этностроительства. С другой стороны, для объяснения специфики этничности используется *традиционалистский подход*, поскольку сегодняшняя идентичность нагайбаков в значительной мере строится на памяти о казачьей культуре, основаниях родства, особом почитании предков.

В диссертации обосновывается позиция непосредственной связи этностроительства с деятельностью этнической элиты. Данный тезис основан на работах классиков-конструктивистов Б. Андерсона, Ф. Барта, А. Коэна, Э. Хобсбаума, которые отводили лидерам высокую роль в формировании идентичности сообществ.

Особое внимание сосредоточено на постепенной изменчивости этнокультурных характеристик сообщества — *дрейфе этничности*. Под ним подразумевается способность народа к преобразованиям и иным формам этнической динамики в изменчивых условиях жизнедеятельности этнической группы.

Если, согласно Р. Бенедикт, этнические группы подразделяются на два типа — *экстравертные* (открытые и страстные) и *интровертные* (закрытые и сдержанные), то в отношении нагайбаков эта метафорическая дихотомия применима в ситуативном контексте: в зависимости от времени и обстоятельств они предпочитали то открытый, то закрытый стиль самопозиционирования.

Данная работа предполагает применение метода *культурного релятивизма*, который дает возможность комплексно исследовать культурную вариативность с позиции народа. Кроме того, в работе используется *теория ценностей* М. Херсковица, которая оспаривает общий эволюционистский подход к изучению народов, показывая неповторимость каждого этнического сообщества и наличие у него собственного пути развития и становления.

В продолжение метода культурного релятивизма в работе использован *интерпретативный подход*. В этом ключе одним из принципов исследования стало объяснение этнических феноменов с позиции самих представителей культуры, что выразилось в использовании насыщенных описаний, обилии прямых цитат респондентов. В работе с письменными историческими источниками (письма, отчеты, мемуары, воспоминания) уместны приемы герменевтики, которые применимы в реконструкции и толковании авторского текста и используются для поиска мотивов и настроений исторических персонажей.

В качестве одного из методов изучения этничности удобен инструментарий *диффузионизма*. У нагайбаков прослеживаются заимствования от разных этнических групп — преимущественно тюркской, русской и финно-угорской. Благодаря *кросс-культурному подходу* удастся сопоставить особенности самосознания, языка, религии, специфичных черт традиций и обрядов как внутри нагайбакских групп, так и в сравнении их с другими народами.

Одним из исследовательских ракурсов выступает *функционализм* на основе методов А. Редклиффа-Брауна и Б. Малиновского. Согласно их подходу, культура является вещественным и духовным аппаратом, «при помощи которого человек решает конкретные, специфические стоящие перед ним задачи».¹ Так, родственные взаимоотношения нагайбаков выполняют несколько социальных функций, в том числе — обеспечение стабильности и безопасности родственной и этнической общности. Обычаи, которые теряют свою практическую ценность, либо уходят из жизни сообщества, либо обретают новое функциональное назначение.

Авторский подход А. В. Головнёва — *антропология движения* — «еще более персонифицирует историю, смещая акцент с итогов на истоки, пытаясь реконструировать индивидуальную мотивацию и момент преобразования мотива в действие».² Динамика этничности нагайбаков имеет различные грани — не только временные, но и ситуативные. Они обусловлены мотивами, решениями, действиями — троичным алгоритмом антропологии движения. Методика *крупного плана* помогает понять народ через мотивы и действия конкретных персонажей.

Наиболее значимым проектом по актуализации этнического наследия среди нагайбаков стало музейное движение; этому сюжету уделяется значительное внимание в диссертации с опорой на работы Дж. Клиффорда, В. А. Шнирельмана, Д. А. Баранова и О. В. Беззубовой.

1 Malinowski B. A scientific theory of culture and other essays. New York, 1960. P. 39.

2 Головнёв А. В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4 (29). С. 14.

Кроме того, исследования по этнопроектной деятельности нагайбаков учитывают работы по изучению фольклорного и фестивального движения среди этнических сообществ с середины XX в. Разные аспекты проблем самоопределения, статуса и современного состояния коренных малочисленных народов России затрагивали многие авторы, в том числе В. А. Кряжков, Н. И. Новикова, С. В. Соколовский, Д. А. Функ.

Степень изученности темы

Первые упоминания предков будущих нагайбаков приходится на 1750–1780-е гг. П. И. Рычкову в ходе обследования Оренбургской губернии в 1750–1760-е гг. довелось узнать о «крещеных» и «старокрещеных» жителях «Нагайбацкой крепости».³ Вслед за ним в 1770-е гг. Н. П. Рычков,⁴ И. Г. Георги,⁵ И. П. Фальк,⁶ работавшие по государственному заказу с целью изучения достояния (в том числе народов) империи, также кратко описали население Нагайбакской крепости. К тому моменту ее жители не имели этнического самосознания и собственного самоназвания, поэтому в трудах исследователей характеризовались как «старокрещеные» казаки-инородцы.

Следующая волна этнографического внимания к нагайбакам поднялась в середине XIX в. после их переселения из Нагайбакской и Бакалинской станиц на Новую линию в 1842–1843 гг. В ходе путешествия в прикаспийские земли 1850–1851 гг. П. И. Небольсин познакомился с этнической группой, которую впервые назвал «нагайбаками».⁷ С 1870-х гг. исследованием народа занялись В. Н. Витевский,⁸ Ф. М. Стариков,⁹

3 Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб., 1762. Ч. 2. С. 204–209.

4 Рычков Н. П. Журнал или дневные записки капитана Рычкова по провинциям Российского государства, 1769 и 1760 году. СПб., 1770. С. 68–77.

5 Георги И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, так же их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд, и прочих достопамятностей. СПб., 1776. Ч. 2. С. 76.

6 Фальк И. П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорскою Академией Наук, по предложению ее президента. СПб., 1824. Т. 6. С. 260.

7 Небольсин П. И. Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестник ИРГО. 1852. Отд. 5. Ч. 4. Кн. 1. С. 1–34.

8 См., напр.: Витевский В. Н. Сказки, загадки и песни нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии // Труды IV Археологического съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 года. 1891. Т. 2. С. 257–280.

9 См., напр.: Стариков Ф. М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска, с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты. Оренбург, 1890.

Е. А. Бектеева.¹⁰ Особенное внимание они уделяли происхождению и степени религиозности нагайбаков, а также анализировали особенности быта, обычаев, обрядов, праздников, пищи и отношений с соседними народами.

Большой пласт информации по этнографии нагайбаков содержится в отчетах о миссионерской работе православных священников, которые публиковались в журнале «Оренбургские епархиальные ведомости» в 1870–1910-е гг.¹¹ Формально эти отчеты следует отнести к источниковой базе, однако они имеют прямое отношение к историографии, поскольку содержат аналитические описания этнических особенностей нагайбаков. Помимо отчетов, характеризующих преимущественно религиозную ситуацию, «Оренбургские епархиальные ведомости» содержат этнографические статьи М. Софронова,¹² Д. Толстого,¹³ Н. М. Чернавского,¹⁴ П. Львова,¹⁵ в которых наряду с верой обсуждаются обряды, обычаи, праздники, этническая история, казачья идентичность нагайбаков.

После прекращения в 1917 г. деятельности Оренбургского епархиального комитета (главного заказчика этнографических исследований среди нагайбаков в конце XIX — начале XX в.) изучение народа было прервано. Почти весь советский период вплоть до 1970-х гг. нагайбаки не фигурировали в научных трудах.

Изучение истории и этнографии нагайбаков возобновилось с конца 1970-х гг. усилиями казанских филологов. Ф. Ю. Юсупов в диссертации «Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и Курганской областей)» (1972 г.) исследовал говор нагайбаков в контексте татарских наречий.¹⁶ В 1986 г. вышла монография С. М. Баязитовой, где также уделялось внимание лингвистическим особенностям нагайбакского говора.¹⁷

10 Бектеева Е. А. Нагайбаки (Крещёные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. СПб., 1902. С. 165–181.

11 См., напр.: Отчет о деятельности Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества за 1909 год // ОЕВ. 1910. № 30. С. 238–246.

12 Софронов М. Религиозное состояние нагайбаков прихода Фершампенуазского // ОЕВ. 1898. № 21 (неоф.). С. 835–841.

13 Толстой Д. Отечественная церковь в 1874 году. Распространение и утверждение веры и религиозная жизнь // ОЕВ. 1876. № 10 (офиц.). С. 349–356.

14 Чернавский Н. М. Архипастырская миссионерская инструкция 1856 г. для священников Новолинейного района Оренбургской епархии // ОЕВ. 1899. № 6 (офиц.). С. 230–239.

15 Львов П. Краткий очерк поездки по епархии Его Преосвященства, Преосвященнейшего Макария, Епископа Оренбургского и Уральского в 1887 года // ОЕВ. 1887. № 17. С. 718–726.

16 Юсупов Ф. Ю. Татарские говоры Южного Урала и Зауралья (Челябинской и Курганской областей): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1972.

17 Баязитова Ф. С. Говоры татар-кряшен в сравнительном освещении. М., 1986.

Полноценные исследования этноистории и культуры нагайбаков начались с 1990-х гг. силами казанских этнографов. В 1993 г. Д. М. Исхаков выпустил монографию «Этнографические группы татар Волго-Уральского региона», в которой описал особенности самосознания нагайбаков, при этом представил их группой в составе кряшенской субконфессиональной общности волго-уральских татар.¹⁸ В 1995 г. вышел сборник трудов татарских ученых «Нагайбаки (комплексное изучение группы крещеных татар-казаков)», в котором авторы уделили внимание происхождению народа, его хозяйству, праздникам, обрядам, пище, особенностям родства.¹⁹

Всплеск интереса к нагайбакам и их этничности связан с признанием их коренным малочисленным народом в 1993 г. Ключевую роль в этом судьбоносном событии сыграли ведущие столичные эксперты-этнографы рубежа 1980–1990-х гг., прежде всего директор Института этнографии АН СССР В. А. Тишков. Между тем казанские ученые продолжали характеризовать нагайбаков не как отдельный народ, а как одну из общностей в составе татар.

С середины 1990-х гг. нагайбаками стали интересоваться уральские историки. Исследователь казачества А. Л. Худобородов одним из первых описал этнокультурные особенности нагайбаков, а также затронул вопросы их происхождения.²⁰ Впоследствии южноуральские ученые И. Р. Атнагулов,²¹ О. В. Новикова,²² А. А. Рыбалко²³ стали интересоваться материальной культурой народа и опубликовали на эту тему несколько исследовательских работ. В 2011 г. по первым результатам работ Уральской Этноэкспедиции А. В. Головнёв отметил триаду ключевых этнических характеристик нагайбаков — православие, казачество, собственный язык.²⁴ Магнитогорский исследователь И. Р. Атнагулов

18 Исхаков Д. М. Этнографические группы татар Волго-Уральского региона (принципы выделения, формирование, расселение и демография). Казань, 1993.

19 См.: Нагайбаки (комплексное изучение группы крещеных татар-казаков). Казань, 1995.

20 Худобородов А. Л. Нагайбаки: об этнических корнях и проблеме взаимодействия культур // Уржумка. 1995. № 1. С. 27–35.

21 Атнагулов И. Р. Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX — начала XX века. Магнитогорск, 2007.

22 Новикова О. В. Традиционная одежда нагайбаков в музейных собраниях Челябинской области: к вопросу о формировании локальных вариантов традиции // Кряшенское историческое обозрение. 2016. № 1. С. 108–129.

23 Рыбалко А. А. Традиционная культура нагайбаков (вторая половина XIX — середина XX в.) // Кряшенское историческое обозрение. 2016. № 1. С. 130–144.

24 Головнёв А. В., Белобородов С. А., Перевалова Е. В. Этноэкспедиция «Урал-2011» // Уральский исторический вестник. 2011. № 4 (33). С. 131–135.

на основе архивных данных и материалов полевых исследований рассмотрел ряд исторических и современных сюжетов становления и трансформации самосознания народа, а также влияние государственной политики на развитие нагайбакской идентичности.²⁵

В последние годы казанские историки, этнографы, фольклористы и языковеды проводят исследования среди нагайбаков в новом ракурсе — в контексте этничности кряшен. С 2010 г. в Институте истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан открыт Центр изучения истории и культуры татар-кряшен и нагайбаков. Одним из направлений работ центра является «социальная история нагайбаков в XVIII — нач. XX в.». Заведующий сектором Р. Р. Исхаков сосредоточен на изучении обрядового комплекса,²⁶ Г. М. Макаров занимается музыкальным творчеством,²⁷ научные интересы Р. Р. Аминова связаны с военной историей нагайбаков.²⁸

Одним из новейших аспектов исследования нагайбаков является биоантропологический анализ их генофонда. Челябинские генетики О. Н. Зарипова, А. Л. Бурмистрова, Т. А. Суслова, М. С. Чернова, С. В. Беляева, М. Н. Вавилов, В. И. Лаптунов посвятили несколько работ иммуногенетической характеристике народа.²⁹

Сегодня значительная часть трудов, посвященных нагайбакам, позиционирует этнокультурное наследие народа в контексте истории (обычно дореволюционного периода). Тема их происхождения является самой обсуждаемой. Расцвет дискуссии пришелся на период активизации нагайбаков и признания их коренным малочисленным народом. В дискурсе по теме этногенеза участвуют представители власти, масс-медиа, ученой среды, этнические активисты и другие заинтересованные лица.

Среди проблем изученности темы можно обозначить следующие:
1) Практически весь историографический массив опирается на опыт наиболее многочисленной и источниково репрезентативной

25 Атнагулов И. Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Магнитогорск, 2015.

26 Исхаков Р. Р. Дохристианские элементы в традиционной культуре нагайбаков (XIX — начало XX в.) // Кряшенское историческое обозрение. 2016. № 1. С. 59–73.

27 Макаров Г. М. Нагайбакские песни и музыкальные инструменты. Казань, 2015.

28 Аминов Р. Р. Формирование и расширение поселенческой структуры Оренбургских татар-казаков в кантонный период (1798–1840) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2015. № 5. С. 6–33.

29 См., напр.: Место малой народности нагайбаков в генофонде мировых популяций в рамках исследования генов и гаплотипов системы HLA II класса / О. Н. Зарипова [и др.] // Вестник ЧелГУ. 2013. № 7 (298). С. 24–28.

центральной группы нагайбаков: в некоторых работах упоминается и кратко характеризуется северная группа, а известия о южной группе как правило ограничиваются перечислением мест ее проживания. Таким образом, южная и северная группы до сих пор по существу исключены из общего контекста изучения нагайбаков. 2) За исключением нескольких работ, советский и современный периоды этноистории нагайбаков не представлены в историографии. 3) Обычно этничность и идентичность нагайбаков рассматривается только с исторической (а не феноменологической) позиции. Основным пробелом в небольшой, но насыщенной историографии нагайбаков можно считать отсутствие работ, напрямую посвященных феномену их динамичной этничности. Другими словами, главной особенностью этноистории и этничности нагайбаков является динамика и мобильность, которая заслуживает специального методологического подхода и многопланового изучения.

Источниковая база

Исследование основано на полевых материалах, собранных автором в ходе экспедиционных работ среди нагайбаков, кряшен, казахов, русских, татар, башкир в период с 2011 по 2017 гг. В течение этого периода ежегодно в летние месяцы автор проводила полевые выезды к нагайбакам центральной группы длительностью около месяца. Экспедиции к нагайбакам северной группы проходили в течение сезонов 2014–2016 гг., в район расселения южной группы — в ноябре 2014 г. и июне–июле 2016 г. Ценным опытом стало стационарное исследование с октября по декабрь 2015 г. в селениях Нагайбакского района Челябинской области. Кратковременные поездки осуществлялись для участия в праздниках, похоронных и поминальных ритуалах, а также путешествиях-паломничествах, фестивалях, собраниях, сходах, концертах и других общественно значимых мероприятиях.

В полевом исследовании широко применялся *метод включенного наблюдения*, который сопровождался *насыщенным описанием* в виде дневников и отчетов, где подробно фиксировались детали повседневности, персональные действия, реакции и суждения нагайбаков. Одним из методов сбора информации было неструктурированное глубокое интервьюирование и опрос по беседе, где главное место уделялось вопросам культурного наследия и этнического самосознания нагайбаков. Всего за весь период работы было собрано более 140 интервью среди нагайбаков и представителей соседних народов. Кроме того, во время экспедиций проводилась работа по описанию нагайбакских родословных. В течение сезонов 2012 и 2014 гг. среди центральной и северной групп проводилось анкетирование по теме

«Этнокультурное наследие и идентичность». Анкета была разделена на три блока («Наследие», «Идентичность», «Проблемы») и содержала 63 вопроса, большая часть которых открытого типа. Всего было собрано 130 анкет среди нагайбаков и соседних народов.

Одной из методических основ работы стала *визуальная антропология*, которая направлена на изучение жизни сообщества через визуальные образы. Всего за время работы было отснято более 7000 фотографий на темы «праздники», «обряды», «этнопортрет», «быт» и т. д. Среди нагайбаков проводилась киноvideосъемка, фрагменты которой были представлены в интернете и на телеканалах: «Аш бирэу», «Обряд вызывания дождя», «Ткацкий стан». *Киноантропология* представляет значимую часть визуальной антропологии. Ее принципы были использованы при создании этнографического фильма «Из Парижа в Париж», где через образ главной героини были представлены сегодняшние ценности нагайбакской культуры.

К работе были привлечены архивные источники дореволюционного периода из Государственного архива Оренбургской области, Национального архива Республики Башкортостан, Российского государственного архива древних актов. Кроме того, используются материалы Оренбургских епархиальных ведомостей в период с 1886 по 1912 гг.

В исследовании применялись как законодательные акты, указы, распоряжения, так и источники эпистолярного и дневникового характера, главным образом дневники, мемуары, письма. Ценным материалом по дореволюционной истории нагайбаков являются опубликованные записи путешествия Михаила Круковского по Южному Уралу, в которых он описал опыт общения с северной группой нагайбаков и сделал несколько десятков фотографий. В диссертации использовались материалы переписки ученого и просветителя Н. И. Ильминского со священником В. Т. Тимофеевым, который путешествовал с целью знакомства с нагайбаками, а также его братом И.Т. Тимофеевым, бывшим учителем и священником в их селах.

К работе привлекались архивные материалы местных нагайбакских музеев в Фершампенуазе, Париже, Остроленском и Кассельском. В исследовании применялись материалы (рукописи, фотографии, экспонаты, записи старинных песен, стихи, фото- и видеоматериалы) из личных семейных фондов нагайбаков, многие из которых представляют уникальную ценность.

Существенной частью источниковой базы стали публикации, подготовленные нагайбаками по вопросам собственной культуры. Кро-

ме того, они вели работу по сохранению родного языка и опубликовали несколько переводных словарей: «Славяно-русско-нагайбакский ведический словарь» П. М. Минеева, «Нагайбакско-русский словарь. Русско-нагайбакский словарь» О. И. Барышниковой.

Богатый материал для исследования представляют статьи в местной периодической печати за авторством самих жителей. Газета Нагайбакского района «Всходы» освещает значимые события в этнической истории нагайбаков. В кряшенской газете «Туганайлар» (Казань) выходят материалы по нагайбакской истории, обрядам, обычаям, фольклору, музееведению и фестивальному движению. Для исследования феномена этничности использовались материалы районного нагайбакского телевидения «Неделя», где подробно освещались национальные праздники, обычаи, обряды, фольклор, а также современные тенденции развития и проблемы нагайбаков.

Отдельным методом исследования можно назвать изучение этничности через интернет-ресурсы или погружение в «кибер-этничность» народа. Для этого привлекались материалы сайтов и социальных сетей («Одноклассники», «ВКонтакте», «Facebook», «Instagram», «Twitter», «Youtube»), где поднимаются вопросы нагайбакской идентичности.

Научная новизна работы состоит в осмыслении динамики этничности нагайбаков с применением новейших методов антропологии и этнологии мобильности и движения. В теоретическом отношении проблематика диссертации выражена концепцией «мобильности в этничности» на основе таких разработок, как динамика и статика, дрейф этничности, антропология движения. В методологическом аспекте становление группы нагайбаков рассматривается на пересечении (или в сочетании) конструктивизма и традиционализма.

В диссертации проработаны до сих пор неисследованные сюжеты нагайбакской истории и идентичности: родство как главный мотив сохранения этничности; соперничество как стимул жизнеобеспечения группы; феномен личности в этноистории; этностроительство 1980–1990-х гг.; этнопроект и сегодняшняя самопрезентация этничности. Этноистория нагайбаков исследована, прописана и представлена с определенной акцентуацией ключевых поворотов формирования и трансформации их этничности. Кроме того, впервые в научном исследовании было предложено разделение нагайбаков на три группы — северную, центральную и южную — согласно их территориальному положению и различным этноисторическим судьбам.

В работе по-новому рассмотрены вопросы взаимодействия представителей этнической элиты с институтами власти, навыки этнодиалога пограничных сообществ, феномен этнодипломатии и трансграничья. Исследование освещает сюжеты реакции этничности на внешние и внутренние факторы: проявления открытости и закрытости, динамики и статики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Общность нагайбаков образовалась под действием колонизационной политики Российской империи в Оренбургском крае. Нагайбакская крепость во второй половине XVIII в. сыграла роль сборного пункта и крещения инородцев и чужеземцев (беглых пленников), принимавшихся на поселение или казачью службу на степной границе Российской империи. Определение в казачество обособило группу будущих нагайбаков, а деятельность Новокрещенской конторы акцентировала их православную идентичность. Все, кто крестился в Нагайбакской крепости, назывались «новокрещенами»; они не имели различий в самоназвании и постепенно смешивались между собой. Таким образом, жители Нагайбакской крепости теряли свою прежнюю идентичность и приобретали новую.

2. Переселение в 1842–1843 гг. стало ключевым этапом становления нагайбаков как сообщества, поскольку они приобрели самоназвание, а в иноэтничном окружении отчетливее почувствовали групповую идентичность. Нагайбаки уже представляли собой общность по службе и религии, которая, однако, была подвержена внешнему влиянию: осознание себя отдельным сообществом родилось во многом благодаря деятельности православных миссионеров.

3. После переселения нагайбаки разделились на три группы, каждую из которых ожидала своя судьба: южная группа приняла ислам и сегодня относит себя к татарам, центральная группа (наиболее многочисленная) отстаивает самобытность и активно проявляет этническую идентичность, у северной группы наблюдается повышение интереса к своей этничности и культуре, что вызвано, в числе прочего, успехами соплеменников из центральной группы.

4. Казачество, собственный язык и православная вера стали основами нагайбакской этничности. С одной стороны, нагайбаки поддерживали свою самобытность, с другой, проявление оснований их этничности часто исходило не только от внутреннего единства, но и ввиду отторжения (явного и скрытого) со стороны соседних народов. В этом смысле три отличительные черты нагайбаков создали им своего рода ограничительный «треугольник самобытности».

5. Родство и свойство в своей обрядности и повседневности подпитывает традиционную культуру нагайбаков, а также мотивирует их активную жизненную позицию, в том числе в отношении этничности.

6. Ключевую роль в современной активизации этничности сыграл лидер нагайбаков А. М. Маметьев. Примером открытия первого музея он сумел мотивировать нагайбаков к этнопроектной деятельности. Главная заслуга Маметьева заключается в официальном признании нагайбаков самостоятельным народом и включении его в перечень коренных малочисленных народов РФ.

7. Сегодняшнее проявление этничности нагайбаков происходит в форме этнопроектов — музеев с акцентом на традиционную культуру, фольклорных коллективов, этнических фестивалей и др. Этнокультурный потенциал нагайбаков эффективно реализуется при условии активности этнических лидеров, и уровень этнического самосознания обусловлен деятельностью этноэлиты и зависит от генерируемых ею этнопроектов.

8. Нагайбаки — народ пограничья, в котором сочетаются традиция и новация; закрытость (в отношении родства и свойства, некоторых обычаев и обрядов) и открытость (к новым проектам, заимствованиям культурного наследия других народов); гостеприимство (как характерная черта народа) и соперничество (сформировалось посредством изоляции после переселения, принадлежности к военному сословию, соседству с народами разных традиций и верований). Сегодня нагайбаки выглядят оседлым населением, ориентированным на сельский быт. Однако этничность нагайбаков мобильна и адаптивна, открыта новым идеям и ориентирована на внешнюю коммуникацию.

Теоретическая и практическая значимость

В тематике исследования обозначены такие приоритетные темы, как межэтнические взаимодействия на Урале и в приграничных районах России, динамика и статика, мобильность и адаптивность, вариации идентичности, этнодипломатия, соотношение традиций и новаций:

1. В изучении нагайбакского сценария развития коренных малочисленных народов Урала можно найти ключ к оптимальному подходу в сохранении этнокультурного достояния коренных малочисленных народов;

2. Исследование динамичной этноистории нагайбаков открывает новый ракурс изучения «этноперекрестка Урала» не только в его стабильности и устойчивости, но и в изменчивости и адаптивности, в том числе в отношении межкультурного взаимодействия;

3. Исследование коренных народов Урала открывает перспективу систематического изучения этнокультурного наследия, народов,

культур, межэтнического диалога и этнофеноменологии крупнейшего евразийского перекрестка путей и контактов с целью создания обобщенного обзора. Этноистория Урала дает примеры симбиоза народов и формирования новых сообществ.

Практическая значимость исследования состоит в использовании данных по этнокультурному взаимодействию и потенциалу в сферах образования, просвещения, управления, туристической, а также для проведения этнологических экспертиз. Изучение коренных малочисленных народов Урала в современных реалиях даст дополнительный толчок развитию этой деятельности в позитивном русле сохранения этнокультурного наследия.

Апробация и степень достоверности исследования

Отдельные положения и результаты исследования были изложены в докладах на всероссийских и зарубежных конгрессах, конференциях, фестивалях, форумах, научных сессиях, семинарах. В частности научные разработки были представлены на семинаре «Традиционная культура нагайбаков: результаты и перспективы изучения и сохранения» (Челябинск, 2015 г.); в рамках конференций «Этнические взаимодействия на Южном Урале» (Челябинск, 2015 г.); «Укрепление семейных традиций как общечеловеческая ценность и основа межнационального мира и согласия в российском обществе» (Ревда, 2016 г.); «Историко-культурное наследие кряшен Волго-Уральского региона» (Казань, 2016 г.); «Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития России» (Омск, 2016 г.); «История и культура нагайбаков Южного Урала» (Челябинск, 2016 г.); «Этносы и культуры Урало-Поволжья: история и современность» (Уфа, 2016 г.). Результаты исследования были апробированы на трех Конгрессах антропологов и этнологов России (Москва, 2013 г.; Екатеринбург, 2015 г.; Ижевск, 2017 г.) и на Всемирном интер-конгрессе антропологических и этнологических наук (Оттава, Канада, 2017 г.).

Визуальные материалы и разработки по данному направлению представлены на научных форумах и фестивалях: «Многонациональная Россия: этнология и киноантропология» (Екатеринбург, 2013 г.); Геттингенский фестиваль антропологических фильмов (Геттинген, Германия, 2014 г.); Фестиваль кино «Zoom-zblizenia» (Еленья-гура, Польша, 2014 г.); Марбургский фестиваль антропологического кино (Марбург, Германия, 2014 г.); Фестиваль Северной ассоциации антропологических фильмов (Варшава, Польша, 2015 г.).

Отдельные положения, изложенные в диссертации, представлены в 22 научных публикациях общим объемом 10,4 п. л., в том числе в

трех статьях в рецензируемых журналах базы SCOPUS, десяти — в журналах списка ВАК, а также нескольких публикациях в журналах Российского индекса научного цитирования и в материалах российских и зарубежных конференций.

Некоторые результаты работы были апробированы в рамках лекционных и семинарских курсов «Этнология и социокультурная антропология», «Аудиовизуальные технологии», «Киноантропология», «Этнокино», которые вела автор в качестве ассистента кафедры археологии и этнологии Уральского федерального университета в 2013–2016 гг.

Структура диссертации

Настоящая диссертация структурирована в пять глав с параграфами в соответствии с поставленными выше задачами, имеет оглавление, введение, заключение, список источников и литературы, список сокращений и четыре приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во *Введении* дана общая характеристика работы: обоснован выбор темы и ее актуальность, определены объект, предмет, территориальные и хронологические рамки исследования, сформулированы цели и задачи, изложены теоретико-методологические основы диссертации, аргументированы ее научная новизна и практическая значимость.

В *главе 1 «Страницы этноистории»* рассматриваются ключевые эпизоды этнической истории нагайбаков, с разной степенью обстоятельности отраженные в источниках. В *параграфе 1.1. «Казачи-новокрещены Нагайбакской крепости»* исследуется образование общности нагайбаков. Новокрещены-выходцы из Нагайбакской крепости (будущие нагайбаки) изначально представляли собой людей разного происхождения (татары, башкиры, черемисы, чуваша, арабы, персы, киргизы и др.), но сходной судьбы. Нагайбакская крепость оказалась крупнейшей на уральской степной границе базой по подготовке пограничных служилых людей путем их крещения, окрестьянивания и оказачивания. Такие события, как участие в бунте Пугачева, а также в Отечественной войне 1812 г., упрочили чувство групповой солидарности.

Параграф 1.2. «Разные судьбы: три группы нагайбаков Южного Урала» посвящен изучению этнической судьбы нагайбаков после переселения 1842–1843 гг. из Нагайбакской крепости в три уезда Оренбургской губернии. На тот момент нагайбаки представляли независимую группу, объединенную по языку, религии и сословному

статусу. Деятельность православных и мусульманских миссионеров на новых местах оказалась ключевой в последующем самоопределении нагайбаков. Поддержка и подпитка чувства самобытности нагайбаков со стороны православных деятелей, а также обособленное существование центральной группы, стали основанием их сегодняшней этнической идентичности. Северная группа, не испытывая на себе особенного воздействия ни православных, ни мусульман, сегодня является формально православной, при этом ее представители в последние годы проявляют интерес к собственной этничности. Благодаря успешным действиям поборников ислама, южная группа поменяла не только свою религиозную принадлежность, но и этническую идентичность; сегодня все ее жители считают себя татарами. В целом судьбы трех групп нагайбаков заметно различаются, что показывает значимость ситуативных обстоятельств и персональных усилий в этнокультурной динамике.

В главе 2 «Триада самобытности» проводится исследование православия, казачества и собственного языка у нагайбаков, которые стали основами их этничности. Сегодня язык считается главной ценностью и отличительной характеристикой нагайбаков; они с энтузиазмом стремятся к его возрождению. Православие дало народу не только самоназвание — *крэшеннар*, но и устойчивую идентичность: нагайбак держится «своей» религии, поскольку ее утрата влечет за собой смену отличительности и этничности. Культурная память о казачестве подпитывает нагайбаков ощущением «славы предков», гордости за свой народ. При этом изменение отношения власти к языку, казачеству и православию в виде запретов и разрешений, обязательств и отклонений повлекло за собой различные изменения в нагайбакской этничности.

Есть и обратная сторона у этих трех оснований нагайбакской этничности. Их проявление часто исходило не только от внутреннего единства, но и от внешнего отторжения. Так, татары и казахи (киргизы) не считали нагайбаков своими из-за православия; русские выражали отчуждение из-за тюркского языка нагайбаков; в условиях советского рассказывания былая принадлежность к казачьему сословию также ограничивала сближение нагайбаков с соседями. Иначе говоря, нагайбаки сохранились как самостоятельная общность не только потому, что сами ее поддерживали, но и потому, что их воспринимали «иными» соседи.

В главе 3 «Родство в этничности нагайбаков» исследуется роль родственных отношений в поддержании этнической идентичности народа. *Параграф 3.1. «Родство»* рассматривает специфику контактов внутри нагайбакской группы, особенности заключения браков, черты

эндогамии и экзогамии в истории и современности. Отношения между родственниками у нагайбаков принято обозначать понятием «родниться», что на их языке звучит как *туганнашырга*, *туган итэу*. «Родниться» по-нагайбакски означает поддержание родства: прием гостей, организация и причастность к общим обрядам и праздникам, взаимная помощь и поддержка. К новому родству нагайбаки относят *күрше* (сосед) и *ахирэт* (побратим) — это единственные не-кровные «родственники», которые участвуют в закрытых делах рода. Чтобы стать *ахирэт*, необходимо пройти через определенный ритуал, который скрепляет людей родством навсегда — при жизни и после смерти. Для демонстрации технологий родства у нагайбаков удобно определение «кругов родства», в которые включаются: 1. семья (*безнең эсортта*), 2. прямое родство (*туган ру*), 3. нагайбаки как народ (*крэшеннэр*), 4. расширенное родство с другими народами (*карендэи*), а также мифологическое родство.

В *параграфе 3.2. «Ритуальное родство»* анализируются обряды и обычаи, которые проводятся в память об усопшей родне. Нагайбаки называют загробную жизнь «настоящей», поэтому поминальные обряды, похороны и все ритуалы, связанные с памятью предков, редко поддаются трансформации. Обновления считаются большим риском для культуры, «новаторы» обычно подвергаются критике со стороны соплеменников. Наиболее значимым обрядом у нагайбаков считается *Аш бирэу*, связывающий живых и умерших. Тесное родственное общение, которое сопровождает обряд, дает надежду, что после смерти они не будут одиноки и всегда будут окружены родней.

В *параграфе 3.3. «Соперничество»* исследуется феномен соперничества среди нагайбаков. Конкуренция оказалась определяющим стимулом для нагайбакской этничности, причем она коснулась всех видов деятельности, включая хозяйство, обряды, культуру. В ней участвуют все представители сообщества — родня, соседи, жители соседних поселков, другие народы.

В *главе 4 «Алексей Маметьев: проект этностроительства»* рассматривается роль лидера А. М. Маметьева в деле культурного возрождения нагайбаков с середины 1980-х гг. В советское время их этничность была «интровертной», внутренней и скрытой, и хранилась внутри родства. Однако в течение 1990-х гг. ситуация решительно изменилась: этничность стала позитивной, а нагайбаки превратились в этнических экстравертов, стремящихся всюду проявлять свою этничность. В мобилизации яркую роль сыграл выдающийся лидер нагайбаков бывший военный и партийный деятель Алексей Маметьев.

Когда ему было почти 60 лет, он начал работать над созданием первого музея в Фершампенуазе: этот проект стал началом подъема нагайбакской этничности. Впоследствии деятельность Маметьева послужила импульсом к активизации культурной жизни нагайбаков. При этом самым важным его проектом стало приобретение нагайбаками статуса отдельного народа.

Сценарий успеха этнического проекта Маметьева состоит из множества деталей: личных черт (многие отмечали его «пунктуальность, «аккуратность»), навыков, приобретенных во время службы (проект признания нагайбаков во многом сложился благодаря служебному опыту ведения переписки), политической обстановки в стране. Кроме того, в своих воспоминаниях Маметьев писал о неудовлетворенности своей судьбой из-за «навязанной» ему военной карьеры, долгой жизни за пределами родины, вынужденного ухода на пенсию с партийной службы из-за разлада с руководством. Отчасти «нагайбакский» проект Маметьева был попыткой самореализации.

Глава 5 «Этнопроекты нагайбаков» посвящена исследованию современной этнокультурной деятельности нагайбаков, которая началась после открытия историко-краеведческого музея в Фершампенуазе 9 мая 1985 г. До сих пор активизация их культуры имеет вид этнических инициатив: они представлены во многих формах и решают разные задачи.

В *параграфе 5.1. «Свой музей»* описываются музейные этнопроекты нагайбаков. Несмотря на то, что музеи имели неодинаковые цели создания, в конечном счете они все стали общим этнокультурным пространством нагайбаков. Фершампенуазский музей, который изначально был посвящен истории района, оказался своего рода «базой» поиска этнической идентичности. Парижский музей, открытый в память о Блюхере, быстро сменил акцент на нагайбакскую культуру. Экспозиции при детских садах и школах, в которых хранятся старинные вещи, неформально называют «нагайбакскими комнатами быта». Музеи ориентированы на представителей сообщества и являются внутренним пространством поиска и развития их этничности.

В *параграфе 5.2. «Фольклорные коллективы»* анализируются роли фольклорных коллективов в этничности нагайбаков. Ансамбли ориентированы не только на сохранение культуры и народного творчества предков, но и на внешнее позиционирование: нагайбакские группы охотно участвуют в многочисленных конкурсах и фестивалях, где ценится уникальность и своеобразность их фольклора. Нагайбаки экспериментируют со своим народным творчеством в виртуальном пространстве, создавая таким образом новую кибер-этничность.

Кроме того, в данной главе исследуются современные проекты по актуализации этнической культуры: фестиваль нагайбакской культуры *Арыумы сыз, туганнар*, конкурсы красоты, образовательная программа «Мы — нагайбаки», факультативы по изучению языка, этнотуризм и др., а также анализируется значение этно-паломничеств в самосознании нагайбаков.

С одной стороны, мотивом активизации этничности народа стало родство: если участники одного этнопроекта являются родственниками, то оказывают друг другу взаимопомощь и поддержку. С другой стороны, одним из импульсов этнических инициатив служит чувство соперничества среди нагайбаков, благодаря чему возникает «эстафета проектов». Такие инициативы рассчитаны на детей, молодежь, людей среднего и пожилого возраста. Частично они направлены на сторонних наблюдателей, которые в свою очередь сами запускают проекты по продвижению нагайбакской культуры. Несмотря на разные мотивации и цели участников и активистов, этнопроекты обеспечивают поддержку этнической идентичности и сохранение этнокультурного потенциала народа.

В *Заключении* диссертационного сочинения подчеркивается, что появление нагайбаков связано с колонизационной политикой Российской империи 1730–1740-х гг., когда в степном поясе Урала шло строительство Оренбургской оборонительной линии и одновременно, в 1735–1741 гг., подавление мятежа башкир. Механизм «острожной колонизации» предполагал укрепление достигнутых рубежей с созданием нового слоя «живой границы» в лице казаков. Одной из военных баз на Большой Московской дороге стала основанная в 1736 г. Нагайбакская крепость, в которую собирали окрестных инородцев разного происхождения и после (при условии) крещения наделяли казачьим статусом. Благодаря противостоянию мятежным башкирам казаки-новокрещены Нагайбакской крепости сплотились в боевое братство, ставшее ядром сообщества нагайбаков.

Нагайбаки сложились на перекрестке путей и изначально представляли собой мозаику культур. Они впитали различные этнические и религиозные традиции: с одной стороны, элементы христианской, мусульманской и языческой религий, с другой — русской, татарской, марийской, чувашской и других этнических культур. При исходной полиэтничности нагайбаки сложились в относительно монолитное сообщество благодаря социальной (казачьей), религиозной (православной) и языковой (тюркской) самобытности и обособленности от соседних групп.

Радикальный сдвиг этничности у нагайбаков произошел век спустя, в 1842–1843 гг., после принятия руководством Оренбургской губернии решения о переселении казаков Нагайбакской крепости на Новую линию для обороны границ от кочевников киргиз-кайсаков. Общие трудности и переживания обустройства на чужбине дополнительно сплотили переселенцев, получивших особое название по месту их прежней дислокации (Нагайбакской крепости) — нагайбаки. Правда, переселение разделило их на три группы — южную (оренбургскую), северную (чебаркульскую) и центральную (собственно нагайбакскую), не считая четвертой, оставшейся в Бакалинском районе Башкирии. На новом месте нагайбаки построили новые поселки и в качестве жалованья за казачью службу получили земельные наделы, постепенно превратившись из стражей границы в оседлых аграриев. Находясь в окружении двух разных культур — русских и казахов, — нагайбаки сохраняли свою особость, выражавшуюся в их замкнутости, в том числе брачной эндогамии и опоре на родственно-соседские взаимодействия. В основе закрытости нагайбаков лежала их отчужденность от других народов, которые в свою очередь воспринимали казаков-нагайбаков как «других».

С 1870-х до 1910-х гг. этничность нагайбаков подогревалась соперничеством за их религиозность между православными и мусульманскими миссионерами. Те и другие убеждали нагайбаков в их особости: православные просветители настаивали на их отличии от татар-мусульман (родственных по языку), а мусульманские — в непохожести на русских казаков (родственных по религии). В результате эти внешние воздействия по-разному сказались на облике трех групп: южная сменила не только религиозное самосознание, но и этническую идентичность — сегодня потомки оренбургских и орских нагайбаков считают себя татарами-мусульманами; центральная и северная группы сохранили конфессиональную приверженность православию (за исключением отдельных селений, например Требии). К началу XX в. у нагайбаков центральной группы оформилось осознание себя как отдельной общности со своими традициями, ритуалами, религией, фольклором, легендами о происхождении, историями о ратных казачьих подвигах.

С 1930-х гг. у нагайбаков произошел очередной крутой поворот в этничности: после переписи 1939 г. их перестали считать отдельным народом и причислили к татарам. Репрессии советского времени были направлены против всех этнических оснований нагайбаков — православия (атеистической пропагандой), казачьего статуса (кампанией рассказывания) и нагайбакского говора (практикой обучения

и официального общения его заменили татарским языком). Кроме того, из реестра народов в переписях и документах (свидетельствах о рождении и паспортах) исключили позицию «нагайбак», в результате чего народ формально прекратил свое существование. Вдобавок вместо распространенного в прошлом позитивного образа отважного казака-нагайбака в информационный оборот была запущена уничижительная версия об их принудительном крещении («насильно крестили в вонючем болоте»). В советское время быть нагайбаком было неудобно и нестатусно, а формально и просто невозможно. Поэтому часть приняла татарскую идентичность, часть — русскую, а часть — нейтральную советскую. В течение жизни двух поколений (1940–1980-х гг.) этничность нагайбаков пребывала в латентном состоянии и характеризовалась закрытостью.

Этнический реванш нагайбаков пришелся на постсоветский кризис. В их движении сошлись векторы религиозного, казачьего и этнокультурного возрождения. Алексей Маметьев оказался обладателем оптимального набора качеств, нужных в тот момент для решительного этнического самоопределения нагайбаков и приобретения ими формального статуса «коренного малочисленного народа». Сегодня этничность нагайбаков поддерживается благодаря осуществлению этнопроектов — созданию и функционированию музеев, фольклорных коллективов, фестивалей, конференций, языковых факультативов. Согласно недавнему анкетированию, собственная этническая идентичность вызывает у большинства нагайбаков чувство гордости.

Треугольник этнической самобытности нагайбаков (православие–казачество–язык) является своего рода ограничителем и основанием их как народа. Изменение вероисповедания ведет к смене этничности (опыт южной группы нагайбаков). Отсутствие социального статуса казаков не отличает их от других крещеных татар и кряшен. Наконец, ориентация на русский язык делает нагайбаков схожими с соседним православным русским казачьим населением. Не исключено, что в прошлом эти маркеры были препятствием для их слияния с другими этническими группами. Однако в наше время три основания самобытности являются подтверждением независимого статуса народа: сегодня нагайбаки ориентированы на возрождение и развитие православия, казачества и собственного языка.

Этничности нагайбаков свойственен позитивный дуализм: с одной стороны, они ориентированы на традицию, с другой — на новацию. В целом нагайбакская этничность сложилась из элементов разных культур, и сегодня потомки жителей Нагайбакской крепости открыты

различным новшествам. Они активно проявляют себя в кибер-культуре, ориентированы на фестивальное движение и этнотуризм. Одновременно нагайбаки консервативны в отношении родства: любая трансформация старинных обычаев и ритуалов воспринимается как подрыв устоев предков. В определенной мере они остаются закрытым народом: к примеру, они не раз отказывали репортерам в съемках традиционного поминального обряда *Аш бирэу*, объясняя это «святостью» и возможностью в нем участвовать только «близким родным».

Таким образом, в разные периоды истории нагайбаки «включали» то открытость, то закрытость, то их различные сочетания. Акцент на закрытости дал возможность сохранения своей культуры в советское время («интровертность»). В постсоветский период, напротив, они мобилизовали свою этничность через открытость («экстравертность»). Динамизм в этничности обусловил переход нагайбаков от пространственной мобильности в прошлом к этнической активности в современности. Находясь на перекрестке разных культур — кочевой и оседлой, христианской и мусульманской, европейской и азиатской нагайбакская культура стала восприимчивой и адаптивной, а кочевое и пограничное казачье социокультурное наследие послужило основанием мобильности и маневренности в действиях нагайбаков.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях**
(общий авторский вклад — 10,4 п.л.)

Статьи, опубликованные в ведущих науч. рецензируемых журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки:

1. ЭтноЭкспедиция «Урал–2012» // Уральский исторический вестник. 2012. № 4 (37). С. 138–143. (в соавт. с М. С. Калугиной, А. Е. Курлаевым, А. С. Палкиным; авт. вклад — 0,3 п.л.).

2. VIII Российский фестиваль антропологических фильмов и IV Международный форум «Многонациональная Россия: этнология и киноантропология» // Уральский исторический вестник. 2013. № 3 (40). С. 154–157. (в соавт. с Н. А. Бабенковой; авт. вклад — 0,4 п.л.).

3. Из Парижа в Париж: путешествие нагайбаков по дорогам предков // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 128–135. (0,5 п.л.).

4. Этноэкспедиция «Урал–2014» // Уральский исторический вестник. 2014. № 4 (45). С. 132–137. (в соавт. с В. А. Шкериным, И. В. Абрамовым, Т. С. Киссер; авт. вклад — 0,3 п.л.).

5. Траектория этничности нагайбаков // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 24 (379). С. 17–24. (0,7 п.л.).

6. Этнофотографическое путешествие Михаила Круковского по Южному Уралу // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 98–104. (0,7 п.л.).

7. Нагайбаки на перекрестке православных и мусульманских миссий // Религиоведение. 2016. № 3. С. 43–53. (1,0 п.л.).

8. Этнопроект, или персонализация этничности (по материалам Уральской ЭтноЭкспедиции) // Уральский исторический вестник. 2016. № 4 (53). С. 142–148. (в соавт. с А. В. Головнёвым, Е. В. Переваловой, Т. С. Киссер; авт. вклад — 0,3 п.л.).

9. Нагайбаки-бакалы: страницы этноистории // Проблемы истории, филологии и культуры. 2017. № 1. С. 269–281. (0,9 п.л.).

10. Родство в этничности нагайбаков // Уральский исторический вестник. 2017. № 2 (55). С. 88–95. (0,7 п.л.).

Публикации в науч. журналах и сборниках науч. трудов:

1. ЭтноЭкспедиция «Урал-2011»: от полярных тундр до степей // Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию: материалы докл. Межрегиональной науч. конф. студентов, аспирантов и соискателей, Екатеринбург, 29 октября 2011 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 9–11. (0,2 п.л.).

2. Из Парижа в Париж: путешествие нагайбаков по дорогам предков // Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию: материалы докл. Всерос. науч. конф. студентов, аспирантов и соискателей, Екатеринбург, 1 декабря 2012 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 39–40. (0,1 п.л.).

3. VIII Российский фестиваль антропологических фильмов и IV Международный форум «Многонациональная Россия: этнология и киноантропология» // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2013. № 3 (72). С. 193–200. (в соавт. с А. В. Головнёвым, Н. А. Бабенковой; авт. вклад — 0,3 п.л.).

4. Обряд Аш биру в культуре нагайбаков // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г.). М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. С. 337. (0,1 п.л.).

5. А. М. Маметьев в этноистории нагайбаков // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Материалы VI Всерос. науч. конф. «Этнические взаимодействия на Южном Урале» (г. Челябинск, 28 сентября–2 октября). Челябинск: Челябинский государственный краеведческий музей, 2015. С. 365–368. (0,5 п.л.).

6. Разные судьбы: три группы нагайбаков Южного Урала // Этнопанорама. 2015. № 1–2. С. 109–114. (0,7 п.л.).

7. «Здесь открывается душа нагайбака»: поминальный обряд Аш биру // Живая старина. 2016. № 1 (89). С. 16–20. (0,5 п.л.).

8. Казачество в этничности нагайбаков // Этнос и культуры Урало-Поволжья: история и современность: материалы Юбилейной X Всероссийской науч.-практ. конф. молодых ученых (Уфа, 28 октября 2016 г.). Уфа: ИЭИ УНЦ РАН, 2016. С. 46–49. (0,4 п.л.).

9. Музей как этнопроект: опыт нагайбаков // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития в России: сб. науч. тр. Омск: Издательский дом «Наука», 2016. С. 211–213. (0,4 п.л.).

10. Современные этнопроекты нагайбаков // Историко-культурное наследие кряшен Волго-Уральского региона. Актуальные вопросы и перспективы изучения: материалы науч.-практ. конф., посвященных 180-летию со дня рождения религиозного просветителя В. Т. Тимофеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 51–59. (0,5 п.л.).

11. Ушедшие в ислам: этноистория южной группы нагайбаков // Кряшенское историческое обозрение. 2016. № 1. С. 45–59. (0,8 п.л.).

12. Mobility of ethnicity: the Nagaibak case // A joint inter-congress/conference of the International Union of Anthropological and Ethnological Sciences (IUAES) and Canadian Anthropology Society (CASCA), Ottawa, 02–07 May, 2017. Ottawa: University of Ottawa, 2017. P. 146. (0,1 п.л.).

Подписано в печать _____. Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная. Усл.печ. л. 1,5
Тираж 100 экз. Заказ № _____.

Отпечатано в типографии _____